

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕВОНД АЛИШАН И ХРИМЯН АЙРИК В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Мнацаканян Ева

*к.ф.н., доцент,
Старший научный сотрудник
института литературы
им. М. Абегамяна НАН РА,
Туманяноведение,*

GHEVOND ALISHAN AND KHRIMIAN HAYRIK IN THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES

Eva Mnatsakanyan

*PHD, associate professor,
senior research assistant at RA ANS,
Institute of literature after M. Abeghyan, Toumayan studies
DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2022.6.94.1611*

РЕЗЮМЕ

В статье представлены воспоминания современников, посвященные великих армянских деятелей Гевонду Алишану и Хримяну Айрику, имеющие культурное, источниковедческое значение и представляют разные нюансы о двух великих армянах. Армянские патриотические гиганты рассматриваются в единой цепочке, поскольку основополагающими и движущими силами их мировоззрения были христианская доброта и добродетель, берущие свое начало из национальных корней, безусловная любовь к армянской природе, к армянам. Их «я» сформировалось в великом «мы» тех же армян, о чем, в частности, свидетельствуют воспоминания современников.

Подтекст художественной литературы раскрывает человеческие, социальные, национальные и духовные описания этих двух армян, очертания их природных творческих способностей. Мемуаристы представили свои портреты в различных тонах, раскрывая интересные с практической точки зрения реалии.

SUMMARY

This article presents the memoirs of the contemporaries devoted to the great Armenian figures Ghevond Alishan and Khrimian Hayrik, which have the meaning of cultural and source studies and present the great two Armenians in different shades. The Armenian patriot giants are being discussed within one common circuit, because the fundamental and impelling powers of their sophistication was the Christian kindness and scrupulousness flowing out of the national origins, unconditional love for the Armenian nature and Armenians. Their “ego” was formed in the great “we” of the same Armenians, which are proved by the memoirs of the contemporaries.

Both humane, public, national and spiritual characteristics and the outlines of the innate creative talent of the both Armenians are disclosed in the documentary feature sublayers. The writers of memoirs created their portraits with different strokes, which, in terms of usage, disclose interesting realities.

Ключевые слова: Гевонд Алишан, Хримян Айрик, воспоминания, святые отцы, благочестие, писатель, преданные нации, горячие патриоты, христианская доброта.

Key Words – Ghevond Alishan, Khrimian Hayrik, memories, holy fathers, caring fathers, chaste behavior, writer, devotees of the nation, fanatical patriots, Christian kindness.

Есть имена, которые как духовно-культурные просветители всегда обеспечивают вечный ход многовековой истории армянского народа. Таковы безусловно великие деятели Гевонд Алишан и Хримян Айрик, которые, родившись по воле божьей в один и тот же период времени, своим богобоязненным поведением и мудростью стали живительными жилами экзистенциального существования армянского народа. Сегодня неоспоримым фактом является то, что коллективное сознание армянского народа еще при их жизни полностью понимало их миссию, обозначенную свыше. И неслучайно. Основополагающими и движущими силами мировоззрения этих двух сынов армян были христианская доброта и исходящая из

национальных корней добродетель, безусловная любовь к армянской природе, к армянам вообще. Их «я» сформировалось в великом «мы» тех же армян, о чем, в частности, свидетельствуют воспоминания современников.

Культурное и источниковедческое значение имеют мемуары, посвященные Гевонду Алишану и Хримяну Айрику, на страницах которых эти два сына Армении представлены как личности, как духовные отцы, как писатели, как педагоги ... Однако первостепенным в большом смысле оставался их исключительный патриотизм. «Есть два священнослужителя, – пишет Арпиар

Арпиарян, – глядя в их лица, армянин никогда не может быть удовлетворен, это Хримян и Алишан».¹

Оба сына армянского народа жили в разных частях света, но о них писали мемуары не только отцы Конгрегации Мхитаристов, но и многие представители сливок армянских интеллектуалов: Акоп Ошакан, Геворг Башинджагян, Григор Арцруни, Аршак Чопанян, Аветик Исаакян, Ширванзаде и другие (свои воспоминания оставили и люди, почти не оставившие следа в истории нашей культуры).

Алишан и Хримян представлены на страницах мемуаров людьми, обладающими исключительными и неоспоримыми достоинствами. Подтекст художественной литературы раскрывает и человеческие, и социальные, и национальные и духовные описания двух армян, очерчивая их природные творческие способности. С методологической точки зрения мемуаристы предпочитают описывать как внешние, так и внутренние качества, а также часто обращаются к отображению стиля жизни, деятельности, человеческих взаимодействий, посредством которых очерчиваются сущность существ, поведение, предпосылки действий.

Вообще мемуаристы проявляют особый интерес к внешнему виду своих знаменитых “натурщиков”, в первую очередь ища печать гения в лице и во внешности. Аршак Чопанян делает замечательное признание. «Впечатление, которое он произвел на меня ... было горячей смесью замешательства, лени и восхищения. Я ожидал найти высокого, стройного, широкоплечего старика, а увидел маленького, почти бестелесного существа, который скорее скользил, чем ходил по земле и у которого, на его птичьей шее, была седоволосая голова младенца – казалось с небес сбегал и прилетел к нам какой-то постаревший ангел.”² Вардан Хацунци вспоминает: «Я знал этого сухого, высокого и респектабельного человека, который постоянно стоял перед моими глазами ... И я все смотрел на Алишана, свернувшегося в кресле, скрестившего руки на груди и уткнувшегося в свой молитвенник. Помню его тонкий, широкий, глубокомысленный лоб нависал над глазами, казавшимися дважды закрытыми: сверху веки прикрывали, а далее над покрасневшими щеками, выдающими страшную бурю, растормошившую его патриотический дух, зависли очки».³ Таким запомнили современники Алишана.

А каким был Хримян Айрик? «Отец – он во всем Отец, – пишет Тигран Пирумян в своих воспоминаниях. – Проповедуя, он ни на йоту не менялся. Та же нежно-меланхолическая улыбка,

такое же справедливое и спокойное сердце, те же задумчивые и великодушные глаза, тот же милый и человеколюбивый голос, пронзающий сердце слушателя».⁴ Под пером Ал. Ширванзаде также вырисовывается вдохновляющий портрет духовного отца. «Внешность Хримяна Айрика была уникальной. Красота с головы до пят. Ни одна фотография не может отобразить лицо Хримяна, особенно выражение его крупных голубых глаз».⁵

Внешние достоинства двух армянских сынов сочетаются с их священным поведением и деятельностью, образуя совершенную гармонию. «Вся жизнь Алишана состояла из курения благовоний и музея просвещения»,⁶ – пишет С. Еремян. Ширванзаде вспоминает: «Хримян был вне своего времени, я не говорю «выше» или «ниже», а именно вне времени. Он был человеком из другого мира, из другой эпохи. Во времена Христа он был бы одним из его апостолов, во времена Сократа он был бы философом. Его единственным оружием была его душа, его разум, его кротость и милосердие».⁷ Скромный, честный, богобоязненный характер этих двух армян в сочетании с природным талантом, неутомимым трудолюбием, несравненным патриотизмом создали высокий образ творческого духа, движущей силой которого являются Бог и Родина. «Я не могу разделять религию и патриотизм друг от друга»,⁸ – вспоминает Симон Еремян слова Алишана.

Конечно, немаловажно, кем были написаны мемуары, какое место и степень он занимал в общественной жизни, при каких условиях, где они встречались? Это обстоятельство важно потому, что каждый из мемуаристов, писавший об Алишане и Хримян Айрике, представляет их в соответствии со своими представлениями и впечатлениями. Это, конечно же, в свою очередь, дает возможность увидеть двух армян с разных сторон. Например, Арпиар Арпиарян в основном представляет Алишана как учителя и педагога, а Ованес Торосян как друга и советника своих младших коллег.

Ав. Исаакян впервые встретился с великим отшельником острова Святого Лазаря, Гевондом Алишаном, в начале апреля 1901 года, когда из Вены поехал в Венецию, чтобы воспользоваться богатой библиотекой мхитаристов. Перспектива встречи с Алишаном очень вдохновляет поэта. «Как, как я счастлив, – пишет Исаакян, – что я должен увидеть любимого всеми армянами Алишана ... Никто не знает Армению так хорошо, как он, никто не любит ее так, как он, этот великий патриот».⁹ Встреча и беседа с отцом Алишаном оставляет неповторимое впечатление в памяти

¹ Алишан в воспоминаниях современников, Ереван, 1974, с. 9.

² Чопанян А., Сочинения, Ереван, 1988, с. 429.

³ Алишан в воспоминаниях современников, с. 172-173.

⁴ Пирумян Т., Хримян Айрик (из моих воспоминаний), Тифлис, 1887, с. 36.

⁵ Ширванзаде Ал, Из глубин жизни, Воспоминания, Ереван, 1982, с. 485-486.

⁶ Алишан в воспоминаниях современников, с. 127.

⁷ Ширванзаде Ал, Из глубин жизни, Воспоминания, с. 487.

⁸ Алишан в воспоминаниях современников, с. 131.

⁹ Исаакян Ав, Собрание сочинений, Т. 5, Ереван, 1977, с. 8, 11.

Исаакяна. В 1948 году поэт с большим почтением и любовью написал мемуары «Гевонд Алишан». «Молодой Исаакян обожал трех великих мастеров, которых знал лично: Хримяна Айрика, Гевонда Алишана и Кристафора Микаеляна»,¹⁰ – отмечает внук Мастера, литературный критик Ав. Исаакян. Примечательна и первая встреча поэта с Хримяном Айриком, произошедшая в 1897 году, снова за пределами Родины, в Вене, куда папа приезжал с деловым визитом. В группе армянской молодежи, встречающей каталикоса, был и Исаакян. «Армяне группами входят в зал, где с улыбкой на лице сидит каталикос, почтительно, доброжелательно, – пишет поэт. – Вот мы, его сыновья, преклоняемся перед ним, целуем животворящую правую руку ... Он всех нас обнимает, как любящий отец спрашивает каждого, как он поживает, чем занимается, интересуется его жизнью, поучает, шутит...»¹¹.

Следующая встреча была в 1901 году, когда Исаакян, уже вернувшись из Венеции, посетил Эчмиадзин, чтобы вернуть свой «сладкий долг» Хримяну Айрику. Исаакян впервые упоминает подробности своего визита в 1907 году в газете «Нор Алик», опубликовав статью «Воспоминания из жизни Айрика», где с явным проявлением любви и уважения Исаакяна переданы портреты Гевонда Алишана и Хримяна Айрика. Взаимная симпатия и близость двух известных великих людей очевидны в самом оригинале. «Когда я уезжал из Венеции», – пишет Ав. Исаакян – Я поехал к Алишану, чтобы в последний раз увидеться с ним и попрощаться. Он благословил меня, пожелал добра и передал привет отцу Хримяну. «Он на сто дней старше меня, – сказал Алишан, – но, говорят, что он здоров и очень силен, ездит на лошади, так и должно быть: он засыпает в тени Масиса, пьет воду Аракса, ест хлеб Армении, берет силу своей земли».¹²

В ответ на ностальгическое приветствие Алишана Хримян с той же любовью и состраданием отзывается о нем. Исаакян вспоминает слова Айрика. «Мы одногодки. Я очень люблю его: сладко пишет. Он сильно подействовал на меня, как писателя, он на многое меня вдохновил. Скажи мне, что еще он мог сделать?»¹³

Этот небольшой отрывок из мемуара имеет исключительную ценность для подтверждения взаимной любви и уважения двух армян. Айрик, как творческая личность, отдает дань уважения великому мастеру пера.

Литературоведы А. Мадоян, Г. Петросян отмечают: «В изучении армянской культуры, развитии арменоведения в Европе Айрик высоко ценил услуги «Отцов-мхитаристов». Особенно он любил и был связан с... Гевондом Алишаном...».¹⁴

Вообще, многие мемуаристы отмечают вклад Алишана в истории армянской литературы, особо

подчеркивая его величайшие заслуги как писателя и создателя историко-патриотической поэзии.

Оба сына Армении одновременно упоминаются и в мемуарах Тиграна Назаряна: «Если среди всех слоев армян был бы проведен опрос, то на вопрос анкеты, кто является самым большим, самым авторитетным, самым любимым и обожаемым человеком девятнадцатого века, который соединил в своем сердце и в душе тоску всех армян и чьи слова, воля, желание и мысли отражали желание и мысли каждого армянина, то, конечно, все бы единодушно остановили свой выбор на двух людях – Хримян Айрик (до его становления каталикосом) и Гевонд Алишан. А на вопрос, кому из них они дали бы предпочтение, все бы единогласно воздержались и, положив руку на сердце, не смогли бы честно ответить, Хримян Айрик или Гевонд Алишан. Хримян Айрик и Гевонд Алишан – это яркие, жизненные, исцеляющие и питательные лучи, просвещающие сердца, души, умы и чувства всех армян.»¹⁵ Истоки этого воспоминания уходят в раннее детство: с пеленок слышал он имена этих двух великих людей, рос и воспитывался на их «огненных» книгах. «Наш дом был первым в Карабахе, куда приносили публикации со Святого Лазаря и Варага, – пишет Т. Назарян. – В середине прошлого века именно мой отец подарил своему дорогому другу из Константинополя, Хримяну Айрику и его Варагу, типографскую машину... В то же время именно он наводнял наш дом великолепными публикациями из Венеции и Лейпцига на протяжении многих лет».¹⁶

Конечно, восхищение и трепет, нашедшие отражение в мемуаре, – это не просто яркие воспоминания детства. Позже у редактора, издателя, общественного деятеля Т. Назаряна было много возможностей лично встретиться с ними, но вышеизложенное описание, осталось неизменным. Даже то замечание, что настоящим призванием Хримяна Айрика не является каталикос, из-за чего, казалось, этого «парящего орла» приковали цепью к четырем стенам собора, не затмевает его восхищения Айриком. «Он навсегда останется ВЕЛИКИМ даже после того, как дотошных историки подробно изучат его сердце и душу».¹⁷

Т. Назарян, рассказывая о своем визите на остров Святого Лазаря и встрече с Алишаном, отмечает. «Даже сегодня, кажется, передо мной сияют прекрасные солнечные лучезарные глаза Гевонда Алишана. Именно в тот день я мысленно поклялся в следующий приезд принести великому патриоту букет вечнозеленых цветов со склонов Святого Масиса и бутылку воды из Матушки Аракса. Но, увы, в следующий раз я лишь окропил

¹⁰ Исаакян Ав, Вторая поездка в Европу Аветика Исаакяна (<http://littrans.asj-oa.am/134/1/135-164.pdf>) (20.03.2021).

¹⁰ Исаакян Ав. Мемуары. Ереван, 1977, с. 59-60.

¹¹ Там же.

¹² Исаакян Ав. Собрание сочинений, Т. 5, с. 14.

¹³ Там же. с. 15.

¹⁴ Хримян Айрик, Сочинения, Ереван, 1992, с. 13-14.

¹⁵ Алишан в воспоминаниях современников, с. 163.

¹⁶ Там же, с. 164.

¹⁷ Там же.

слезами его святую гробницу».¹⁸ Этот отрывок напоминает упомянутые в воспоминаниях Исаакяна¹⁹ символы Родины: Масис, родная земля, цветы, вода матушки Аракса. Следовательно, можно предположить, что в разговоре с каждым армянином, приезжающим на родину издалека всегда преобладали его нерушимая любовь и тоска по Родине и по символам ее вечности. Более того, гостей-армян, посещавших остров Святого Лазаря, часто сопровождал сам Алишан, объясняя: «Я сам просил, чтобы мне позволили сопроводить родного человека».²⁰ В конце прогулки гостей охватывало неопишное удивление, когда выяснялось, что «этот скромный старик и был святой отец Алишан».²¹

Образ жизни и Алишана, и Хримян Айрика, их поведение были достаточно скромными и при общении с людьми они вели себя невыразимо скромно. Об их уникальной человеческой натуре отмечал и Гр. Арцруни. Посетив Алишана, который в то время был руководителем Мурад-рафаэлиановской школы, Арцруни увидел перед собой образованного, дружелюбного человека, чей «искренний, отзывчивый, искренний характер, широкий человеколюбивый, патриотический гений олицетворяли школу в целом, как в целом, так и в каждой детали».²² Арцруни упоминает примечательный факт: многие состоятельные итальянцы просили зачислить их детей в рафаэлиановскую школу, но Алишан отказывал, аргументируя это тем, что школа является очагом обучения только для армянских детей. «Основой обучения» школы был родной язык, а «духом всех учений» – патриотизм.

Хримян также был убежден в непобедимости национальных ценностей, мощной силы человеческой мысли. «Он представляется армянам скромным настоятелем скромного монастыря в Васпуракане», – пишет Гр. Арцруни. – со скромными привычками, манерами и поведением, простым поведением, обращением с людьми, однако, с другой стороны – невыразимо высокомерный, фанатичный поклонник человеческого разума... Любовь к человечеству, а значит любовь к своему народу, вера в силу мысли, вот девиз этого любимого народом человека».²³

Особого внимания заслуживают воспоминания об Алишане 1890 года, в связи с 50-летним юбилеем его принятия сана

священнослужителя, в которых отец Алишан, как истинный христианин, выступает со смирением и скромностью, свойственными святому, избегающему проявлений какого-либо благоговения и прославления. Однако, как вспоминает Симон Еремян, армянское общество «первым в унисон воспело деятельность великого литературного деятеля прошлого века, захватившего всю армянскую мысль. Мы не можем вспомнить ни одного другого рассказа о каком либо другом человеке, который бы вызывал у людей такое же неоспоримое сочувствие, как Алишан».²⁴

По случаю юбилея различные поздравительные статьи, материалы с воспоминаниями следуют друг за другом. «Гевонд Алишан – представитель армянского гения нашего века», – пишет Г. Агаян: «Как поэт – он родоначальник всех поэтов, как священнослужитель – это одаренный церковный деятель, как ученый – он энциклопедист».²⁵ «Гевонд Алишан в настоящее время является величайшим грамотеем нашей нации; он единственный авторитет в армянской науке 19 века; он отец нашей современной поэзии и, наконец, только он имеет титул второго армянского священника»,²⁶ – пишет Ширванзаде.

Мемуаристы с величайшим почтением подтверждали ту мысль, что Алишан был душой острова Св. Лазаря, святой человек, который воплощал в себе «силу всех, всеобщее утешение, всеобщую любовь»²⁷ (Арпиар Арпиарян).

Таким образом, параллельное рассмотрение двух гениальных армянских гигантов в рамках общей цепи мемуаров преследует определенную цель: еще раз подтвердить, что и Алишан, и Хримян объединяются не только как духовные и интеллектуальные гиганты, но и как беспримерные преданные армянскому народу деятели. Как пишет Микаэл Варандян: «Хримян – это тот же отец Алишан, но поселившийся на своей родной земле, в лоне родного народа, непосредственный провозвестник его великой трагедии, непосредственный проводник его скорбных жалоб».²⁸ Их жизнь и деятельность, со всеми их особенностями, во многом определялись исторической судьбой их родины.

В ходе истории армянского народа национальная миссия этих двух великих сынов Армении закреплена во многих документах. Стоит отметить одно из наблюдений Его Святейшества

¹⁸ Там же, с. 166.

¹⁹ Исаакян вспоминает: «Высоко оценив сердечный и теплый привет Гевонда Алишана, Хримян Айрик издает приказ «Приказываю завтра взять немного земли Масиса, воды Аракса и цветов Армении и отправить в маленьком ящике в Венецию.»

Как я позже узнал, небольшую коробку с этими горшками прислал мой отец, но к тому времени, когда он прибыл, наш любимый поэт, к сожалению, уже умер» (Исаакян Ав. Собрание сочинений. Т. 5, с. 16.)

²⁰ Алишан в воспоминаниях современников. Ереван. 1974, с. 82.

²¹ Там же, с. 109.

²² Там же, с. 27.

²³ «Мшак», №. 23, Тифлис, 1892.

²⁴ Алишан в воспоминаниях современников, с. 115.

²⁵ Агаян Г. Отец Гевонд Алишан. // Тараз, №. 44, Тифлис, 1901.

²⁶ Ширванзаде Ал., Юбилей Гевонда Алишана. // Ардзаганк», Тифлис, 1901, №. 23.

²⁷ Там же.

²⁸ Варандян М., Предыстория армянского движения, Женева, 1912, с. 294.

Католикоса Всех Армян Вазгена I. В марте 1956 г. Католикос посетил Мхитаристов в Венеции, тепло приветствовал их, подчеркнул их огромный вклад в деле развития армянской культуры и завершил свое выступление словами: «В прошлом Хримян Айрик и Гевонд Алишан построили огромную арку сотрудничества между Эчмиадзином и монастырем острова Святого Лазаря, а я пришел, чтобы укрепить эту арку».²⁹

Воодушевляющие и вдохновляющие имена этих двух великих людей останутся в памяти армянского народа до тех пор, пока существуют армяне и Армения.

Список литературы:

1. Алишан в воспоминаниях современников, Ереван, 1974.
2. Чопанян А., Сочинения, Ереван, 1988.

3. Пирумян Т., Хримян Айрик (из моих воспоминаний), Тифлис, 1887.

4. Ширванзаде Ал., Из глубин жизни, Воспоминания, Ереван, 1982.

5. Исаакян Ав., Собрание сочинений, Т. 5, Ереван, 1977.

6. Исаакян Ав., Вторая поездка в Европу Аветика Исаакяна (<http://littrans.asj-oa.am/134/1/135-164.pdf>) (20.12.2021).

7. Исаакян Ав. Мемуары. Ереван, 1977.

8. Хримян Айрик, Сочинения, Ереван, 1992.

9. «Мшак», № 23, Тифлис, 1892.

10. «Тараз», № 44, Тифлис, 1901.

11. «Ардзаганк», № 23, Тифлис, 1901.

12. Варандян М., Предыстория армянского движения, Женева, 1912.

13. Документы по истории Армянской церкви, книга XVI, Ереван, 2008.

ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЕ

*Алпатова Светлана Денисовна,
кандидат филологических наук, доцент факультета лингвистики
Института Международного права и экономики им. А.С.Грибоедова
Москва,
тел.: (495) 6737413*

PECULIARITIES OF SOME LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS AND THEIR ORIGIN

*Alpatova Svetlana Denisovna
Associate professor, candidate of philology,
Faculty of linguistics,
Griboedov Institute of International Law and Economics,
Moscow
tel.: (495) 673 74 13,
DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2022.6.94.1612*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются лексические и фразеологические единицы с точки зрения их культурологических особенностей. В связи с этим постулируется, что языковые единицы, и в частности их значение, подразумевает и имплицитно то видение мира, которое понятно всем членам единого культурного сообщества

ANNOTATION

This article suggests analyses of some Russian and English lexical and phraseological units for cultural data as they are implied in their meaning. One can assume that any language mostly as far as its figurative meaning is concerned, reflects and encodes the worldview shared by all members of a lingo-cultural community. Moreover, one can view language as an important source of a collective cultural identity

Ключевые слова: концепт, культура, метафора, сочетание, стандарты

Key words: concept, collocation, connotation, culture, metaphor, standards

By culture, we understand the ability of human community to evaluate social, moral and other cultural categories (such as *time* and *space*, *good*, *evil*, etc.) in their empirical and mental experience. They conceptualize standards, stereotypes, mythologies, rituals and even epithets or comparisons: *as happy as a lark*, *as cunning as a fox*, and others. These cultural patterns can be looked upon as an integral part of culture in lexis or 'direct' cultural signs (e.g. proverbs, sayings, etc.). Interpreting cultural signs and categories,

these linguistic symbols serve as the main body of a cultural pattern. In that case, linguistic units acquire the status of quasi-standards, quasi-stereo-types: e.g., the idiom *nesti krest* means "to carry one's cross" interprets the biblical story of the christening and in its non-biblical or common usage becomes the quasi-stereotype of torment and self-sacrifice. In a similar way, Russian *u 7hernaya kulichkakh*, lit. in the devil's mires, or very far away, acts as a quasi-standard of remoteness through its allusion to the outer space, a

²⁹ См. Документы по истории Армянской церкви, книга XVI, Ереван, 2008, с. 274.